

Диди Дори

Душа

Диди Дори

Душа

«Издательские решения»

Диди Дори

Душа / Диди Дори — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-502682-8

Сборник рассказов, сочетающих в себе и семейный жанр, и мистику, и фэнтези. Вам не спится, а может вам предстоит длинная дорога? «Душа» — именно то, что вам нужно. Эта книга поможет скоротать время в пути, а поздним вечером наполнит волшебными образами, которые превратят ваш сон в её интересное продолжение.

ISBN 978-5-00-502682-8

© Диди Дори
© Издательские решения

Содержание

У любви червонная масть	6
Глава 1. Начало	6
Глава 2. Другая жизнь	9
Глава 3. Мать и дочь	13
Женское счастье	18
Часть 1	18
Часть 2	22
Сестры	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Душа

Диди Дори

*..Вдруг радугой счастье опоясало души,
Сквозь неё пропуская лучи,
Желанию жить подчиняясь послушно,
Я счастьем вручила ключи.*

Диди Дори

Иллюстратор Марина Шатуленко

Дизайнер обложки Вера Филатова

Корректор Наталья Филимонова

Иллюстратор Дмитрий Дедков

© Диди Дори, 2019

© Марина Шатуленко, иллюстрации, 2019

© Вера Филатова, дизайн обложки, 2019

© Дмитрий Дедков, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-0050-2682-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

У любви червонная масть

Глава 1. Начало

Лина обожала вечерами раскладывать пасьянс, он у нее лихо получался. Если бы и в жизни все так же складывалось – масть к масти, красные к красным, черные к черным. Но реальность больше походила на игру в очко – то недобор, то перебор, редко удавалось набрать двадцать одно и сорвать банк. Судьба же сдавала ей совсем не те карты.

Первый шлепок от жизни она получила в девятом классе, когда укатила с подругами в Сочи, пропустив школьные занятия. Спустя два дня девушка вернулась домой в разорванной одежде и с пошатнувшейся психикой. Лина категорически отказывалась говорить с родителями о том, что с ней приключилось в эти дни, поэтому каждая их попытка заканчивалась истерикой. То, что произошло, так и осталось для родных тайной. Однако после этого случая она сильно изменилась. Какое-то время сторонилась подруг и соседей, была очень замкнутой, но со временем ее потянуло в другую крайность – перестала совершенно интересоваться учебой, вечерами пропадала в барах и приходила домой очень поздно.

Мать не узнавала ее, иногда ей казалось, что дочь подменили. Никакие советы и увещевания на Лину не действовали. Как-то раз, вернувшись домой под утро, она с удивлением обнаружила в гостиной неспящих родителей. Взбешенный отец отвесил ей мощную оплеуху и, назвав шалавой, запер в комнате на несколько дней. К сожалению, как гласит пословица, женщина захочет – сквозь скалу пройдет. Поэтому временное заточение не помогло вернуть Лину на праведный путь. Дурная слава шла за ней по пятам, соседи называли ее гулящей и не позволяли своим дочерям с ней общаться. В маленьком городке, в котором она жила, как, впрочем и в любом другом провинциальном городе, такая репутация была приговором.

Девушка кое-как окончила среднюю школу, о дальнейшем образовании и слышать не хотела. Все вечера напролет пропадала в дешевых заведениях в компании таксистов и водителей «газелей», которые угощали ее выпивкой за определенные услуги. Спиртное действовало возбуждающе, она становилась агрессивной, и поэтому часто ходила в синяках и ссадинах.

Свое восемнадцатилетие Лина отметила в привычном окружении в захолустном баре, который находился на окраине города. За вечер успела и поругаться, и подраться. В ужасном расположении духа она собралась домой. Никто из приятелей не проявил желания отвезти ее, и подвыпившая девушка решила доехать на попутке. Выйдя в темную ночь, Лина пошла вдоль дороги в надежде на какого-нибудь запоздалого автомобилиста. Усталая и разбитая, на высоких каблуках, она уже сожалела о своей выходке.

Когда впереди замаячили огоньки частных домов, было далеко за полночь. Неожиданно ее слух уловил красивый перебор гитарных струн:

«Что делать, сердце, мне с тобою, как тайну мне свою сокрыть?»

Приятный баритон исполнял цыганский романс. Кто-то пел настолько проникновенно и с такой тоской, что Лина заслушалась. Чья-то невидимая рука сжала ей горло, слезы непроизвольно хлынули из глаз, и она заплакала навзрыд. Со слезами хлынули наружу накопившиеся боль, обида и утраченные иллюзии.

Гитара замолкла, а через минуту перед Линой возник кудрявый парень, с удивлением разглядывавший ее залитое слезами и измазанное тушью лицо.

– Привет, ты в порядке? – его глаза блестели по-особенному и с непривычным ей сочувствием.

Лина ничего не ответила, только завороченно смотрела на черноглазого незнакомца, не находя слов.

За свою жизнь человеку приходится преодолевать много дорог и тропинок. Порой эти дороги бывают широкими и прямыми, с надежным бетонным покрытием, по которым так легко двигаться в выбранном направлении. Но чаще встречаются тропинки с узкими, извилистыми и крутыми подъемами. Спускаться с таких крутых подъемов человеку бывает особенно тяжело. Принято считать, что жизнь – жестокая дама, которой нет дела до наших неудач, и она лишь отстраненно наблюдает за тем, как мы пытаемся сойти с черной полосы. Это большое заблуждение, уверяю вас. По-моему, она больше похожа на строгую мать, которая наказывает своих деток за проступки, но при этом жалеет бедняжек, и если что-то отнимает, обязательно что-то дает взамен, посылая помощь. От нас требуется лишь вовремя понять и принять ее.

Такой помощью для Лины стал Лачо, оказавшись глотком чистой воды из родника на одной из извилистых и пыльных тропинок ее жизни. От своей матери-цыганки он унаследовал яркую внешность, белозубую улыбку, веселый нрав и шестиструнную гитару. Встреча с ним коренным образом изменила жизнь Лины. Она полюбила, и душа ее оттаяла.

С той памятной ночи она не брала в рот ни капли спиртного. Лачо не любил пьяных женщин, не умеющих контролировать себя. Он говорил, что пить нужно умеренно и только по особым причинам. У его семьи был свой автомобильный бизнес, днем он помогал отцу, а после работы встречался с Линой.

Они уезжали за город, наслаждались друг другом и теплыми летними вечерами. Гитара всегда была с ним, он пел ей цыганские песни о любви, о свободе и рассказывал о своих корнях. От него она узнала, что предки цыган были представителями касты мудрецов и чудотворцев древней Индии, их считали еретиками, стали притеснять. Они вынуждены были покинуть родину, и с тех самых пор все время находятся в пути, верные духу свободы, который манит их в неизведанные дали. Лачо признавался ей, что этот дух свободы живет и в нем. Она слушала его, затаив дыхание, и называла шутя романтиком большой дороги.

Лина цвела, как природа, которая ее окружала, а душа откликалась на мелодию ветра и шелест листвы в кронах высоких деревьев. Дни сменялись днями, а недели неделями. Так незаметно подкралась осень. Вечера стали прохладнее, все чаще моросил дождик, но влюбленные продолжали встречаться на лоне природы, вдали от людских глаз и пыльного города.

В сентябре Лина записалась на бухгалтерские курсы и три раза в неделю по утрам посещала занятия. Вечерами в ожидании Лачо, лежа на примятой траве, она смотрела в осеннее небо и рисовала в своем воображении заманчивые картины. Она представляла себе, как входит в офис крупной компании, в которой занимает должность бухгалтера. На ней сногшибательный деловой костюм и красивая стильная прическа. Когда она поделилась с любимым своими мечтами, он смастерил веночек из маргариток и трехцветных фиалок, вплел в рыжие непослушные волосы и сказал: «Вот она – самая стильная прическа...»

– Эй, ты куда это направляешься, дорогуша?

Такси притормозило рядом с ней, и Лина вздрогнула. Она узнала знакомого водителя, с которым часто проводила вечера в загородном баре. Как давно это было, наверное, в другой жизни. В той жизни, с которой было покончено навсегда и о которой ей не хотелось вспоминать.

– Садись, подвезу, заодно поговорим, – сказал он небрежно голосом, не терпящим возражений.

Лина категорически отказалась.

– Ты что ломаешься, как целка, садись, сказал!

Краем глаза она заметила подъезжающий к остановке автобус и стремглав кинулась к нему, как утопающий к спасательному кругу.

Девушка поняла, что с прошлым не так-то просто расстаться. Оно цеплялось за нее длинными острыми когтями и не желало отпускать. Лина страшилась таких встреч, боялась, что когда-нибудь столкнется со своим прошлым, и рядом с ней в тот момент окажется Лачо.

И страхи эти оправдались. Стоял ноябрь. Деревья, словно хвастались друг перед другом яркостью своих нарядов, а вечера стали холодными.

Влюбленные больше не могли встречаться за городом на природе. Теперь кинотеатры стали их убежищем. Как-то после ночного сеанса, когда они, весело смеясь, в обнимку направлялись к автобусной остановке, перед ними остановилось такси. Водитель медленно вышел из машины и окликнул Лину.

– Теперь ясно, куда наша мамзель пропала, такси на кибитку поменяла? Цыганкой Азой решила стать? А твой Алеко в курсе, под сколькими кибитками ты побывала?

Лина похолодела, руки и ноги перестали ее слушаться, она просто осела на асфальт и закрыла глаза. Всего, что произошло дальше, она не видела, только слышала топот ног, глухие удары, голоса, испуганные крики прохожих, звук мотора и визг рванувшей с места машины.

Открыв глаза, она заметила группу людей, склонившихся над кем-то, кто лежал ничком на дороге. Лина поднялась и шатаясь направилась к ним.

Лачо! Парень лежал в луже крови без движения.

«Что делать, сердце, мне с тобою, как тайну мне свою сокрыть? Куда бежать с моей тоскою, в моей ли власти не любить?»

Девушка упала на колени над телом своего любимого. «За что, за что?» Она все повторяла этот вопрос, протягивая ладони к толпе, окружившей ее, а потом вдруг дико завывала, как волчица...

Лина нашла в себе силы завершить обучение, она твердо знала, что никогда не вернется к прошлой жизни. Ее любимый пожертвовал собой ради этого, и только благодаря ему она стала другим человеком. Через несколько месяцев девушка навсегда покинула родные места, где была когда-то бесконечно счастлива и нежно любима, захватив с собой только самое главное – частичку своего любимого. В ней развивалась новая жизнь, и она должна была быть достойна ее.

Лина верила, что пока есть цель, пока есть хоть один человек, которого любишь всем сердцем, все сложится самым лучшим образом. Она еще сыграет с судьбой в очко, и тогда посмотрим, кто кого.

Глава 2. Другая жизнь

– Мамочка, мамочка, Витя отобрал у меня мячик!

В маленькую комнату влетело рыжеволосое создание с перепачканным лицом и горящими глазами.

– Это был не твой мячик, Лола, сначала успокойся, потом умойся, ну посмотри на себя в зеркало, ты похожа на трубочиста, а не на девочку.

Лиана отвела дочку в ванную и проследила за тем, чтобы та тщательно умылась. Ванна была в ужасном состоянии, кафель местами откололся, раковина треснула, зеркало помутнело, но Лиана была счастлива, когда обрела свой угол в этой старой коммунальной квартире в подмосковной Ивантеевке.

Она с нежностью посмотрела на недовольную мордашку дочери и подала ей полотенце:

– Вот теперь тебя люблю я, вот теперь тебя хвалю я...

Лола засмеялась, прижавшись к матери.

Шесть лет назад Лиана кардинально изменила жизнь, навсегда уехав из своего городка для того чтобы начать все с чистого листа. Под сердцем она носила ребенка, а в сердце большую боль и разбитые надежды. Каждый шаг в жизни давался с огромным трудом. Были моменты, когда у нее опускались руки, накатывало уныние, и тогда ей в снах являлся Лачо.

Он улыбался ей своей белозубой улыбкой, брал в руки гитару и начинал петь. Утром она просыпалась умиротворенной и с большим зарядом положительной энергии.

С родными местами Лину связывали только родители, которым она причинила в свое время много горя. После родов мама приезжала к ней на съемную квартирку и на первых порах помогала с ребенком. Два года назад отец продал свою машину и привез ей необходимую сумму для того, чтобы дочь смогла купить комнату в коммуналке. Она была бесконечно благодарна им за все, что они для нее делали, понимая, что находится перед ними в неоплатном долгу.

– Лиана, у тебя не будет пятисот рублей до зарплаты? – Валера подхватил Лолу и подбросил вверх.

Девочка радостно вскрикнула и обхватила шею мужчины тоненькими ручками. Валера, ее сосед по коммуналке, служил когда-то в Афганистане. Он постоянно носил тельняшку как атрибут, напоминающий о боевом прошлом, и частенько злоупотреблял алкоголем. Лиана подозревала, что именно из-за этого бывший афганец долго не задерживался ни на одной работе. Она часто его выручала небольшими суммами, которые он исправно возвращал в обещанный срок. В благодарность Валера каждое утро выносил ее мусор и угощал Лолу конфетками.

– Гляну в кошельке, погоди, – Лиана зашла в свою комнату, достала из черного кошелька купюру и протянула ее соседу, ожидавшему в дверях.

– Спасибо, выручила, ты – человек, пять дней – и отдам, – он смешно прижал обе руки к груди и наклонил голову.

Лиана улыбнулась и кивнула.

– Пить меньше надо, тогда и выручать не придется, – баба Маша, появившаяся в дверях кухни, занимала третью комнату в их коммуналке.

Валера пропустил ее замечание мимо ушей и вышел из квартиры. Старушка неодобрительно покачала головой и вернулась к плите. Лиана взглянула на стоящую рядом с ней Лолу:

– Ну, что, завтра едем в Московский зоопарк?

Девочка завизжала от восторга и стала прыгать вокруг нее на одной ножке.

Воскресным сентябрьским утром мама с дочкой сели в электричку и за пятьдесят минут добрались до Ярославского вокзала. Затем не спеша спустились в метро и через пару остановок вышли на Краснопресненской, прямо к зоопарку.

Погода была почти летняя, народу было много, и им пришлось довольно долго простоять за билетами. Но ничего не могло испортить им хорошего настроения, даже неудобства, создаваемые реконструкцией зоопарка. Четыре часа пролетели незаметно и с несказанным удовольствием.

Бенгальский тигр, гепарды, пумы, жираф, обезьяны и слоны – Лина была в восторге от увиденного ничуть не меньше дочери. Отдохнуть и перекусить захваченными из дома бутербродами они сели на лавочку около пруда, где с удивлением наблюдали за настоящим птичьим базаром.

Вечером уставшие, но очень довольные «девочки» возвращались домой на электричке. Лола все не могла уgomониться после массы ярких впечатлений, ей не сиделось на месте, она то ерзала, то вскакивала с места, пока не отдала ноги молодому мужчине, сидевшему напротив. Лина забеспокоилась и стала извиняться за дочь.

– Как звать это чудо? – спросил пострадавший.

– Я – Лола, – смущенно ответила девочка.

– Имя тебе очень походит, именно Лола и никак по-другому, а я – Алексей.

Мужчина улыбнулся. В уголках крупного рта появились небольшие складки.

– А вас как звать? – обратился он к Лине.

Она представилась и попыталась еще раз извиниться, но Алексей остановил ее жестом руки, сказав, что никакого особого вреда его ногам Лола не нанесла.

Молодой человек поинтересовался у Лины, скоро ли станция Ивантеевка, объяснив, что ему нужно будет выходить. Лина ответила, что, по всей вероятности, выходить им придется вместе. Молодые люди разговорились, и время пролетело незаметно. Узнав от Лины, что уже несколько лет она работает бухгалтером на мебельной фабрике, Алексей внимательно и с интересом поглядел на нее. Про себя сказал только то, что ему по делам службы предстоит какое-то время пожить в их городке. Выйдя из электрички, он попрощался и быстро ушел, а Лина, почувствовав легкое разочарование, отправилась с дочкой домой на автобусе.

– Не грусти, мамочка, он скоро придет к нам в гости.

Лина удивленно посмотрела на дочь.

– С чего ты взяла? – Она притянула к себе своего ребенка, – я и не грущу.

Иногда Лола приводила ее в замешательство своими замечаниями. Однажды, стоя у окна, она сказала, что жалко чашку, очень красивая. Лина не обратила внимания на ее слова, пока вечером, сидя за столом, не задела локтем свою любимую чашку с чаем, которая, упав на пол, разлетелась на мелкие осколки. В тот момент Лина подумала, что это простое совпадение, но со временем такие совпадения участились, и Лина стала внимательнее относиться к словам Лолы. «Наверное, цыганские корни дают о себе знать», – и решила никому не говорить об этом.

Рабочая неделя началась привычным звонком будильника, чашкой кофе, легким макияжем и быстрыми сборами Лолы в садик. Едва Лина перешагнула порог рабочего кабинета, как поняла, что в офисе что-то случилось. Кристина, обладательница длинных ног, а также должности секретаря-референта, сосредоточенно стучала по клавишам компьютера. Увидев Лину, она театрально схватилась за сердце и закатила глаза. Шепнув на ухо: «У нас новый зам», – длинноножка с папками скрылась за дверью директорского кабинета. Озадаченная Лина толкнула дверь в свой кабинет и погрузилась в профессиональную деятельность. Работы было много, поэтому пирожок с капустой заменил ей обед.

Рабочий день подходил к концу, когда дверь приоткрылась и на пороге появился ее вечерний попутчик. «Здравствуйте, Лина, теперь мы с вами будем трудиться вместе», – Алексей с улыбкой смотрел на изумленное лицо Лины.

Приход нового заместителя директора всполошил весь незамужний коллектив мебельной фабрики, начиная от секретаря и заканчивая швеей на мебельном производстве. Но его внимание было приковано исключительно к Лине. Алексей каждый вечер ждал ее после работы в своем новеньком Chevrolet и под прицелом завистливых глаз отвозил до детского садика. Когда он напросился к ним на субботний обед, Лина вспомнила слова дочери и в очередной раз убедилась, что ребенок у нее незаурядный.

В октябре зарядили дожди, стало холодно, но в отношениях Алексея и Лины весна была в самом разгаре. Эти двое могли разговаривать часами, у них были схожие взгляды на одни и те же вещи, им нравилась одна и та же музыка. Рядом с Алексеем она чувствовала себя в безопасности, и вдобавок он отлично ладил с Лолой.

Сотрудницы шептались между собой. Чужое счастье многим не давало покоя, особенно длинноногой Кристине, чьи юбки становились все короче, а макияж все ярче. Ей было невдомек, что нашел в этой матери-одиночке молодой и перспективный бизнесмен. На зимние каникулы Алексей предложил Лине поездку на северокавказский горнолыжный курорт. Счастливая Лина попросила маму приехать к ней, чтобы та побыла с Лолой.

Алексей забронировал номер в гостинице в поселке Домбай, и в начальных числах января молодые люди отправились в первое совместное путешествие. Лина была очарована горными пейзажами, снежными вершинами, ущельями, канатными дорогами и близостью Эльбруса. Она не могла насытиться чистым горным воздухом, который вдыхала в себя полной грудью. В последний вечер их пребывания на Кавказе Алексей сделал Лине предложение, которое она с радостью приняла.

Вернувшись домой, молодые люди решили не делиться пока своими планами ни с кем, кроме родителей. Расписаться они планировали весной, без особых торжеств, в узком кругу самых близких людей. Лина не могла поверить своему счастью, часто смотрела на свое отражение в зеркале и не узнавала прежнюю себя. Она похорошела и излучала теплый свет. Улыбка не сходила с ее лица, одним словом, она была счастлива.

Однажды февральским вечером, уложив дочку в кровать, Лина собиралась доделать домашние дела и лечь пораньше. Помыв на кухне посуду и поговорив с Валерой, она вернулась в комнату. К ее удивлению, Лола не спала.

– Мамочка, обещай мне, что ты не будешь плакать, – тихо сказала дочь, глядя на нее своими большими черными глазами.

– А почему я должна плакать, Лола, и почему ты до сих пор не спишь?

Девочка ничего не ответила, натянула одеяло на голову и затихла. Лине стало не по себе, но она отогнала от себя тревогу, решив, что дочь задремала и ей просто приснился сон.

В начале марта на оттаявшую землю лег свежий пушистый снег, страна готовилась к одному из самых любимых праздников, к женскому дню. Цветочные базы ломились от изобилия цветов, флористы творили шедевры, мужчины в зависимости от толщины кошелька готовили для своих женщин соответствующие сюрпризы. Руководство мебельной фабрики решило организовать фуршет из всяких вкусностей типа канапе, тарталеток и других закусок в местном кафе. Помимо еды предполагались увлекательные игры, конкурсы, шарады и тосты с поздравлениями.

Дамы в предвкушении вечеринки готовили наряды и записывались в салоны для наведения лоска. Красивое черное платье а-ля Шанель уже висело в шкафу, а туфли на тонких шпильках лишь ждали момента, чтобы поднять Лину на десятисантиметровую высоту... Но накануне запланированной вечеринки у Лолы поднялась температура. Никакие жаропонижающие средства не помогали. Накануне праздника пришлось вызвать врача. Соблюдение строгого постельного режима, контроль температуры и своевременный прием антибиотиков сорвал планы Лины на вечер. Она не могла оставить больного ребенка ради веселья. Присутствие же

Алексея на мероприятии было обязательным, но он успокоил ее, пообещав, что 8 Марта проведет с ними и устроит приятный сюрприз.

Однако на следующее утро телефон Алексея не отвечал, и Лина не на шутку встревожилась. В очередной раз набрав его номер, она долго слушала протяжные гудки. Расстроенная Лина собралась было отключить телефон, как вдруг ей ответил сонный женский голос, показавшийся очень знакомым.

– Кристина?.. А что делает у тебя телефон Алексея? – спросила она упавшим голосом.

– Ты хотела спросить, что делает у меня Алексей? Догадайся с трех раз, – она противно хихикнула, и связь прервалась.

Лина выронила из рук телефон и смотрела перед собой ничего не видящими глазами. Слезы хлынули из глаз, сердце сжала в своих объятиях черная тоска. «За что?», – этот вопрос возник в ее голове и не находил ответа.

– Мамочка, не плачь, я тебя очень люблю и никогда не брошу.

Лина подошла к дочке и крепко сжала в своих объятиях. Какое счастье, что у нее есть Лола, жизнь без нее была бы безрадостной и беспросветной...

Вечером на пороге ее комнаты с огромным букетом красных роз появился Алексей. Он выглядел помятым, растерянным и все повторял: «Прости». У него был такой виноватый вид, что Лине стало немного жаль его, но решение было принято окончательно и бесповоротно.

«Единожды предав – предаст не раз, единожды солгав – солжет и дважды, хоть ложь не выставляют напоказ, но избежать ее не сможет каждый...»

Странно, что в такой момент ей пришли на ум эти стихи. Простить она не могла, поэтому с болью отпустила его из своего сердца и из своей жизни.

«К боли мне не привыкать», – думала Лина, глотая слезы и готовясь к бессонной ночи, но усталость взяла верх и она уснула. Во сне ей снова снился Лачо, его белозубая улыбка и шестиструнная гитара...

Глава 3. Мать и дочь

Тик-так, тик-так. Часы работали исправно и служили своей хозяйке верой и правдой уже много лет. Лина поставила будильник на семь часов утра и легла в постель. «Еще один день прожит», – подумалось с грустью. Порой бессонными ночами, ворочаясь в своей постели, она представляла себя всадницей, оседлавшей диких и необузданных коней. Ей невероятно трудно с ними сладить, и они несут ее во всю прыть в неизвестном направлении. Мимо бесконечной чередой пролетают волнующие события. Иногда даже не успеваешь ими насладиться. Не хватает времени. «Время, время, помоги придержать коней».

Бросив нежный взгляд на спящую дочь, она удовлетворенно вздохнула. Ее девочка уже совсем взрослая. Она выросла и стала ее полной противоположностью, далекой от всего того, что интересует шестнадцатилетних подростков.

К удивлению Лины, Лола рано заинтересовалась религией, часто посещала храм и каждый вечер молилась перед маленькой иконкой смоленской Богородицы. Лина была крещена в детстве, но набожностью не отличалась, поэтому недоумевала, откуда у ее дочери появилась такая тяга к вере в Бога.

А все началось несколько лет назад. Лола проснулась среди ночи и разбудила мать, попросившись к ней в постель. Девочка поделилась с обеспокоенной матерью своим странным не то сном, не то явью. К ней подошла молодая женщина в красном длинном одеянии и, взяв Лолу за руку, повела с собой. Она показала ей неподвластный описанию мир, ослепительных ангелов, которые улыбались ей, посылая свою любовь, и еще много такого, о чем Лоле не хотелось говорить. Когда же они вернулись назад, девочкой овладела огромная грусть и чувство невозполнимой потери. Перед тем, как уйти, женщина шепнула ей, что они обязательно еще встретятся.

Встревоженная Лина приласкала дочку и после того, как та уснула, долго размышляла об услышанном. Лола часто приводила ее в замешательство своими предостережениями и предсказаниями, которые всегда оказывались пророческими.

«Теперь еще и странные сновидения добавились», – подумала она.

Однажды, проходя мимо кирпичного здания храма Смоленской иконы Божией Матери, Лина заметила знакомую фигурку и решила проверить, не обозналась ли она. Едва переступив порог храма, сразу заметила Лолу, стоящую перед иконой Богородицы. Мать тихо ушла, незамеченная дочерью...

Лина выключила свет, перевернулась на правый бок и закрыла глаза, тщетно пытаясь уснуть. Но в последние годы бессонница частенько изводила ее. Зато в такие ночи оживала память и вопреки ее желанию, подобно светлячкам, озаряла самые тяжелые моменты жизни...

С того дня, как она написала заявление по собственному желанию и ушла с мебельной фабрики, прошло больше десяти лет. Лина изредка вспоминала Алексея и те надежды, которые были связаны с ним, но которым так и не суждено было сбыться. Он не раз пытался сгладить свою вину перед ней, однако она была непреклонна. В конце концов он смирился, а еще спустя полгода уехал в Москву.

За эти годы Лина поменяла несколько рабочих мест, пока пару лет назад не устроилась менеджером по продажам на пивоварню, расположившуюся на территории бывшего овощехранилища. Здесь варили крафтовое пиво, родиной которого была Америка. В последние годы оно стало очень популярным и в нашей стране. Ведь в России тоже хватает энтузиастов – может, романтиков, а может, просто любителей хорошего пива с большими амбициями и горячим желанием доказать, что и мы не лыком шиты.

Лине пришлось по душе творчество и вдохновение, с которыми небольшой коллектив подходил к приготовлению, казалось бы, банального пива. Она не была большой любительни-

цей этого напитка, но в крафт влюбилась безоговорочно – его вкус отличался своим насыщенным ароматом и необыкновенной плотностью...

Лина не заметила, как уснула, и уже во сне проводила экскурсию на пивоварне, с упоением раскрывая посетителям секреты пивоварения...

Утро разбудило шумом дождя за окном и раскатами грома. Лола в ночной сорочке стояла у окна и смотрела на затянутое тучами небо.

– Доброе утро, мамуля, кажется, дождь зарядил надолго, надо зонтик поискать.

Да уж, зонтик просто необходим, чтоб укрыться от непогоды. Лина засунула ноги в тапочки, подошла к дочке, чтобы чмокнуть ее в щеку, и направилась на кухню. Через пять минут квартира наполнилась ароматом свежеприготовленного кофе. Она достала хлеб, творог, чайную чашку для Лолы и села за стол, чтобы выпить свой утренний кофе.

Пять лет назад после смерти бабы Маши Лина выкупила освободившуюся комнату, сделала неплохой ремонт и разместила в ней гостиную. А полгода назад на них как гром среди ясного неба свалилось известие о гибели Валеры. Подвыпившего афганца сбил поезд, когда тот переходил железнодорожные пути. «Эх, Валера, как же так?», – с болью в сердце думала Лина всякий раз, проходя мимо его закрытой двери. Наследники пока не решили, как быть с комнатой, но Лина понимала, что скоро в ней появится новый хозяин.

Лина уже подходила к зданию, в котором располагался офис, когда проезжающая на большой скорости иномарка облила ее с ног до головы водой из огромной лужи. Пока женщина растерянно осматривала свои промокшие ноги и грязный плащ, машина притормозила у тротуара, и из нее вышел мужчина лет тридцати шести в джинсах и клетчатой рубашке.

– О, sorry, miss, прошу прощения, – сказал виновник ее плачевного вида с сильным иностранным акцентом, – я так виноват, sorry.

Лина еле сдержалась, чтобы не огреть этого ковбоя зонтиком по голове.

– Ездить надо аккуратнее, – процедила она сквозь зубы и пошла дальше.

– Sorry, miss, разрешите подвезти вас, please, – не отступал от нее иноземный лихач.

– Да не нужно меня подвозить, я уже на месте, – Лина все больше раздражалась.

– На месте? Что значит на месте? My god, don't understand!

– На месте – это значит, что я уже пришла туда, куда шла, – она указала рукой на здание пивоварни и решительно направилась к входным дверям в плохом расположении духа, на ходу отряхивая плащ.

В своем кабинете, включив небольшой конвектор, она сняла мокрые чулки и туфли, оставшись босиком на ворсистом коврикe. На сегодня у нее были запланированы встречи с новыми клиентами, а также с иностранными спонсорами. Поэтому утренний инцидент, после которого ее ноги оказались промокшими до нитки, был совсем некстати.

– Ангелина Васильевна, ты здесь? – дверь распахнулась, и босая Лина очутилась лицом к лицу с двумя мужчинами, один из которых был ее руководителем, а другой – виновником ее дурного настроения.

Алексей Николаевич какое-то время удивленно смотрел на голые ноги своего менеджера, потом извинился и попросил ее зайти к нему, когда она будет обута. Мужчина в клетчатой рубашке выглядел не менее удивленным и растерянным. Лина уже второй раз за это утро чувствовала себя униженной.

Она достала из сумки щетку, расчесала свои длинные рыжие кудри и энергичным движением тряхнула головой, отчего волосы волнами рассыпались по плечам. Чулки все еще были сырыми, поэтому она надела туфли на босу ногу и вышла из кабинета...

Райан Говард познакомился с ребятами из России позапрошлым летом, когда те приезжали в Хьюстон перенимать опыт. Сам Райан начинал с того, что шесть лет назад превратил свой гараж в производственное помещение. Поначалу варил классические и европейские

сорта. Позже, осмелев, попробовал экспериментировать. Качество повышалось, а вместе с ним и спрос на его пиво.

Теперь Райан состоял в Американской ассоциации пивоваров и четко соблюдал все их критерии, а именно: независимость, традиционность и маленькие размеры производства. Своими знаниями он и поделился с молодыми и начинающими любителями крафта, с которыми успел близко познакомиться и подружиться. Молодой американец следил за их успехами, а позже созрел и для спонсорства.

Несколько дней назад Райан прилетел из Техаса. В аэропорту его встретили друзья-колеги, помогли ему устроиться в московской гостинице «Садовое кольцо» и взять напрокат машину.

Москва его очаровала, он много ходил пешком, пытался применить свои скудные знания русского языка на практике, ему нравилась архитектура, памятники. Он был удивлен чистотой улиц, а метро шутиливо называл подземным городом-музеем.

Сегодня день не задался с самого утра. Сначала он порезался, когда брился, потом долго искал ключи от машины, стоя под проливным дождем, и под конец, проезжая на скорости по лужам, окатил водой незнакомую прохожую. Райан подумал, что спешка не приводит к добру, и после того, как рыжеволосая незнакомка не приняла его помощь и предложение подвезти, расстроенный, долго искал свободное парковочное место...

Увидев в кабинете менеджера знакомые глаза и рыжие волосы, Райан не смог произнести ни слова. Позднее Алексей показывал ему свое производство, рассказывал о том, как тяжело пришлось его налаживать, а Райан все время украдкой поглядывал на Лину...

Выйдя из Рождественского монастыря, Лола спешила домой. Она не предполагала, что так задержится, и поэтому не предупредила мать о своей поездке в Москву. Телефон, как назло, разрядился. Зная, что получит нагоняй от матери, она сильно волновалась, но несмотря на это, душа ее пела. Девочка пропустила занятия в школе для того, чтобы попасть в этот монастырь. Она много читала о его основательнице и других прекрасных женщинах, которые помогали в обустройстве этой обители и которые затем приняли постриг, все они были вдовами воинов, павших в Куликовской битве.

Когда Лола добралась до дома, был уже поздний вечер. Лина открыла дверь и, не сказав ни слова, ушла на кухню.

– Мамочка, прости, прости, я не могла позвонить, у меня батарейка разрядилась, – жалостливо пролепетала Лола, молитвенно сложив ладони.

– Почему тебя не было в школе и где ты вообще была, черт побери? – Лина строго смотрела прямо в глаза дочери.

Через несколько минут мать узнала все, что беспокоило ее дочь в последнее время, о ее мечте посвятить себя Богу, которую она лелеяла уже несколько лет, о том, как она попала в женский монастырь. Девочка воодушевленно объясняла матери, что означает трудничество, сообщила о том, что теперь на выходных будет помогать в рождественском женском монастыре.

– Труд в монастыре во славу Божию приносит душе огромную пользу. Еще преподобный Серафим Саровский говорил: «Нет паче послушания, как послушание Церкви! И если токмо тряпочкою притереть пол в доме Господнем, превыше всякого другого дела поставится у Бога...»

Пораженная Лина не верила своим ушам.

– Лола, девочка моя, ты такая молодая, впереди вся жизнь, полная удовольствий, приключений, зачем тебе это?

Лола слушала, опустив глаза.

– Ты умная девочка, тебе бы учиться, получить хорошее образование, престижную работу, встретить свою любовь, рожать детей. А ты собираешься отказать себе во всем этом?

Лола посмотрела на мать большими грустными глазами.

– Мамочка, прошу, пойми, у меня другой путь, это мое призвание, ты ведь знаешь, что у меня есть дар, я хочу, чтоб он был благословлен богом, —девочка подошла к матери и прижалась к ней, как в детстве.

Лина присела на подоконник, ноги не слушались ее, она не верила в происходящее. Разве о такой жизни для своего единственного ребенка мечтала она бессонными ночами? Ее дочь цитирует святых и собирается запереть себя в стенах монастыря. За что жизнь поступает с ней так жестоко? Она потеряла свою первую любовь, так этого оказалось недостаточным, теперь должна пожертвовать и дочерью?

В Лине назревало негодование и возмущение:

– Я не позволю тебе губить свою жизнь, ты меня слышишь? Я – мать, и я имею право поступить так, как считаю нужным, а считаю я, что тебе не нужно столько времени посвящать церкви, никаких длительных воздержаний в еде, у тебя растущий организм, требующий полноценного питания, а в следующем году ты заканчиваешь школу, и это должно быть для тебя первостепенным.

Лола молчала, слезы текли по ее щекам и капали на сорочку, оставляя на ней мокрые пятна. Она выбежала из кухни, чтобы не продолжать этот разговор.

Весь оставшийся вечер Лола упорно молчала, Лина даже порадовалась этому, потому что никаких душевных сил для продолжения разговора у нее не осталось.

«Ну и денек – с утра все наперекосяк», – тяжело вздыхая, думала Лина, выключая ночник...

Лачо шел вдоль реки с чистой хрустальной водой. Легкий ветерок трепал его черные пряди. Он подошел, улыбаясь ей, и она почувствовала себя счастливой и спокойной. Вдруг они очутились на лугу среди алых маков. Она никогда не видела подобной красоты. Лина захотела поделиться своим восторгом с Лачо, но его уже рядом не было. Он уходил вдаль с молодой женщиной в длинном красном покрывале. Лина окликнула его, Лачо улыбнулся ей, его губы зашевелились, но она не разобрала слов. «Лачо, Лачо, я не слышу тебя!», – кричала Лина, и тоска разрывала ей душу. «Отпусти ее», – донес до нее ветер последние слова. Лина проснулась на мокрой от слез подушке.

Райан ждал Лину возле пивоварни, он держал в руке красивый букет и заметно нервничал. После вчерашнего эта женщина не выходила у него из головы. Лина заметила издали его высокую фигуру и вдруг отчетливо вспомнила летний вечер и загадочно улыбающуюся Лолу, напевающую из Фрэнка Синатры: «Америка, Америка».

Жизнь представляет собой движение по дороге с препятствиями, но движение это обычно направлено вперед. Никто не знает, сколько таких дорог ему предстоит пройти и сколько препятствий преодолеть. Но любое начало имеет свое завершение. Жизни в конце концов надоест проверять тебя на прочность. И вот тогда она подыщет уютное местечко и привезет туда самолетом, поездом, на корабле или машине, неважно.

Через год Лола, получив благословение от матери, ушла послушницей в монастырь. В будущем она твердо решила для себя стать монахиней по любви к Богу. «Наилучшая возможность общения с Богом – в монастыре, где нет всецелого, многотрудного попечения о жизни». Лола целенаправленно шла к своей цели...

А еще через пару месяцев Лина с округлившимся животиком приземлилась в аэропорту Хьюстон Интерконтинентал имени Джорджа Буша, штат Техас, где ее с нетерпением ждал влюбленный Райан Говард.

Женское счастье

Часть 1

Высоко в безоблачном небе торжественно светило яркое солнце. Дул юго-западный ветер, море было покрыто мелкой рябью, и вся его поверхность переливалась, как грани обработанного горного хрусталя. В летний сезон каждый уважающий себя отель брал у муниципалитета в аренду небольшую площадь пляжа, заявляя о себе определенным цветом солнцезащитных зонтов и звонким названием на вывеске перед входом на свою территорию.

Нина шла по кромке воды и игриво поддевала носком накатывающие на берег волны. Ее загорелое тело впитывало в себя солнечное тепло и соленый морской воздух. Голова была свободна от тревожных мыслей, она на короткое время превратилась в созерцателя.

Справа в море расположился остров, который напоминал по своей форме гигантскую черепаху. В небе летали беспокойные чайки и кричали о чем-то таком, что было понятно только им одним. Пальмы и олеандры, высокие пинии и бугенвиллеи чередовались друг с другом вдоль всей береговой линии. Горы обрамляли эту средиземноморскую красоту и создавали тем самым свой неповторимый микроклимат.

На самой высокой точке острова Черепахи среди хвойных деревьев выделялся белый особняк местного миллионера. Этот особняк напомнил Нине вчерашнюю поездку в Иль де Франш, розовую виллу Ротшильдов, расположенную на мысе Сен-Жан-Кап-Ферра на Лазурном побережье.

Она получала большое эстетическое удовольствие, любясь великолепными палатками, спальными комнатами и будуарами, кабинетами и гостиными, украшенными подлинными произведениями искусства.

Незабываемое впечатление произвел роскошный сад с поющими фонтанами и водопадами, с беседками и установленными в них скульптурами. Японские сады, всевозможные виды кактусов и особенно открывающиеся великолепные панорамные виды на море с белоснежными яхтами были ошеломительны.

Фамилия Ротшильд – синоним богатства. А начиналось все в восемнадцатом веке, с еврейского паренька Амшеля Майера девятнадцати лет от роду, который вбил себе в голову, что разбогатеет во что бы то ни стало...

Терпеливо бродил он по городским свалкам и помойкам, выискивая старые монеты и редкие вещи, которые для кого-то оказались лишним хламом и были выкинуты за ненадобностью. После тщательно реставрировал их и продавал коллекционерам. На собранные средства предприимчивый молодой человек открыл во Франкфурте маленькую антикварную лавку в доме с красным щитом, что на немецком языке звучит как Rotes Schild. Это название настолько прочно пристало к его лавке, что со временем Амшель решил сделать ее своей фамилией.

Всех своих сыновей он обучил банковскому делу. И стала процветать династия Ротшильдов. Нажитые капиталы приумножались следующими поколениями. Вскоре их семья превратилась в самую влиятельную международную династию предпринимателей.

Вилла Иль де Франш была построена под чутким руководством ее хозяйки – Беатрис, которая являлась представительницей фамилии Ротшильдов и славилась изысканным и тонким вкусом. После своей смерти она завещала ее Французской академии изящных искусств.

Несмотря на все богатства мира, Беатрис была глубоко несчастной женщиной. Выйдя замуж в восемнадцать лет за друга семьи, она так и осталась одинокой, нелюбимой и обманутой. Ее муж оказался человеком низменных страстей, игроком, без зазрения совести проматывавшим состояние жены. В довершение ко всему он был неразборчив и нечистоплотен в связях

с представительницами противоположного пола. В результате умудрился наградить ее трудноизлечимым венерическим заболеванием, после которого она лишилась последней надежды на сохранение брака – возможности стать матерью.

«Счастье не в богатстве, – подумала Нина, – но как же оно все-таки распределяется в этом мире и кто отвечает за этот процесс? Почему одни бывают счастливы всю жизнь рядом с любимым и понимающим человеком, а другие ищут, но так и не находят тех, кто смог бы сделать их счастливыми?»

Нина решила присесть за столик в маленькой пиццерии и выпить бокал холодного Prosecco. Остров Черепахи все так же маячил перед ней, залитый солнцем, и ей на миг почудилось, будто он немного развернулся в ее сторону.

Холодное вино утолило жажду, и мыслями она вновь вернулась к своим недавним размышлениям о счастье. В памяти стали всплывать обрывки забытых встреч и душевных разговоров. Она вспомнила давнюю историю, которую слышала когда-то в своей семье и которая касалась ее близкой родственницы. Звали ее Тина.

Тина была нежным и женственным созданием, единственной дочерью в семье, где всем заправляла ее мать – веселая, находчивая и остроумная женщина. Но при всех своих достоинствах она обладала очень властным характером, который в полной мере ощущали на себе и муж, и дочь. Мать распоряжалась дочерью по своему усмотрению, редко считалась с ее желаниями и в конце концов полностью подчинила себе. Тина привыкла не спорить с ней и соглашаться с любым ее мнением.

Так она и росла под грузом материнского давления, пока в двадцать лет не встретила молодого человека из сельской глубинки, который учился с ней в одном институте, несколькими курсами старше. Между молодыми людьми вспыхнуло сильное чувство. Тина была счастлива, ей казалось, что у нее выросли крылья. Она не думала о будущем, ничего не планировала, наверное, просто не была к этому приучена. Ведь за нее все всегда решала мать. Вот и сейчас та взяла в свои руки судьбу дочери. Вопреки мнению родных и знакомых, она вовсе не была против того, чтобы деревенский парень стал ее зятем. Наоборот, она была уверена, что он будет совсем не против обосноваться в городе, точнее, в ее доме, а дочь останется у нее под крылом. И действительно, так и случилось, молодой человек согласился на все выдвинутые условия, и спустя короткое время молодые поженились и стали жить в доме родителей Тины. Вскоре молодая жена забеременела, в срок родила сына, а еще через год дочку.

Тина хорошо ладила с мужем и он отвечал ей взаимностью, дети подрастали, но полный контроль со стороны тещи стал тяготить свободолюбивого парня, выросшего в семье, в которой никто не принимал за него решений. К тому времени он уже окончил институт и стал подумывать о возвращении к себе в район, где ему предлагали хорошую должность. Оставалось только уговорить жену, но он не сомневался в своей Тине и был уверен, что она не будет сильно сопротивляться.

Однако он не учел силу влияния матери на нежную душу Тины. Когда молодые супруги объявили о своем решении уехать в деревню, разразился скандал. Но молодые были непреклонны в своем решении. Поняв, что криком не сможет влиять на сложившуюся ситуацию, мать Тины поменяла тактику. Она стала взывать к дочерним чувствам, плакать, укорять ее в том, что та бросает пожилых родителей, что они вложили в нее все свои силы и воспитывали ее не для деревенской жизни, к которой Тина вовсе не приспособлена и очень скоро сама это поймет и сбежит оттуда.

– Мама, я должна быть рядом с мужем, у нас дети, я его очень люблю, я просто не смогу жить без него, – оправдывалась Тина.

– Дурочка моя, куда он от тебя и от детей денется, поартачится месяц и вернется, как миленький, – продолжала увещевать ее мать. – Ты не приспособлена к жизни в селе. Тебе ведь

придется ухаживать за домашним скотом, разводить кур, доить коров. Тина, это очень тяжелый труд, ты сломаешься.

И мать опять победила.

Когда Тина сообщила, что хочет остаться, супруги сильно поругались, муж собрал свои вещи и уехал, бросив напоследок, что будет ждать, когда она одумается и поменяет свое решение. Тина не находила себе места, она была уверена в чувствах своего мужа, но также хорошо знала, что он, в отличие от нее, обладал твердым и принципиальным характером.

Шли дни, которые складывались в недели, а затем в месяцы, но муж не возвращался. Тина не спала ночами, плакала, уткнувшись в подушку. Мать внимательно наблюдала за ней и понимала причину красных глаз по утрам. Она была удивлена, что зять до сих пор не объявился, но отпускать от себя дочь была не намерена.

«Видишь, каким ненадежным человеком оказался твой муж, а ты еще собиралась все бросить ради него. Он не любит ни тебя, ни своих детей. Выброси его из головы, ты молодая, красивая, еще сможешь построить свою жизнь с более достойным мужчиной».

От таких речей Тине становилось невыносимо тоскливо, она молчала и только сильнее бледнела, прижимая к себе ребятишек.

Через полгода она получила от него письмо. Надежда на счастье окончательно покинула ее после первых же строк. Муж по-прежнему настаивал на своем.

«Мама права, он не любит меня, он меня предал», – эта мысль все время крутилась у нее в голове. Слезы градом покатались из глаз, и она выронила письмо из рук.

Печаль и радость – это две подруги, которые поочередно помогают нести человеку его жизненный крест. В трудные минуты печаль подставляет свое плечо, тем самым стараясь облегчить тяжесть ноши. В минуты счастья ее сменяет радость, и она делит с человеком незабываемые моменты, наполненные любовью и блаженством. Человек не может быть счастлив все-

гда, жизнь периодически посылает ему испытания, а потом наблюдает за тем, как он с ними справляется. Все, что происходит с человеком, он либо заслужил, либо допустил. «Моя жизнь не имеет смысла без него, что мне делать?» Она не думала о детях, о родителях, близких и друзьях, лишь о нем.

Тина спустилась по лестнице во двор, окинула безразличным взглядом сад и повернула в сторону сарая. В сарае она подобрала веревку, которая валялась рядом с садовым инвентарем, закинула ее через перекладину, соорудила петлю, поднесла ветхую деревянную табуретку, взобралась на нее, надела петлю на шею и прыгнула...

Темнота, как живое существо, проглотила сначала ноги, затем тело, и в этот миг душе-раздирающий крик пронзил ее сознание...

– Тина, ты что, не слышишь, дети плачут? – мать заглянула в комнату к Тине, не обнаружив ее в детской. Дети проснулись после полуденного сна и звали мать.

На полу валялся распечатанный конверт, а рядом с ним тетрадный лист, исписанный крупным почерком. Она подняла его, быстро пробежала глазами, ее сердце похолодело, и она выбежала во двор.

На зов Тина не откликнулась, внутреннее чутье заставило повернуть к сараю. Когда она увидела дочь, извивающуюся в петле, из глубины ее существа вырвался дикий первобытный крик...

Часть 2

– Тина, поздравь меня, с тобой говорит дипломированный специалист, – басистый голос сына в телефонной трубке звучал очень бодро.

Положив трубку, она посмотрела на часы, собрала оставшиеся не проверенными тетради своих учеников, спрятала их в нижний ящик стола и вышла из учительской.

На следующий день она ждала сына домой и собиралась приготовить его любимые блюда и свой фирменный медовый торт.

«Мой мальчик возвращается, какое это счастье, спасибо тебе, Господи», – думала Тина, выкладывая на кухонный стол купленные в магазине продукты.

Прошло двадцать лет с того страшного дня, когда ее, полумертвую, вынули из петли. Она запечатала сургучом дверь, за которой осталось ее прошлое, и запретила себе его вспоминать. Единственным, что связывало с ним, были ее дети. Сын – ее гордость и ее надежда. Очень одаренный и дисциплинированный парень, он окончил школу с золотой медалью, поступил в серьезный технический вуз, который также завершил очень успешно. Дочка была слегка инфантильна, но отличалась веселым нравом, была музыкальна и неплохо играла на пианино. Тина по-прежнему жила с родителями, мать постарела, но продолжала держать бразды правления в своих руках. Замуж она так и не вышла, несмотря на несколько предложений руки и сердца. «В сорок лет жизнь только начинается», – говорили ей друзья, намекая на то, что она еще может быть счастлива. Но она слышать не хотела об этом и пресекала все разговоры и попытки в самом начале, не оставляя мужчинам никакой надежды. Казалось, она запечатала разбитое сердце вместе с дверью в свое прошлое. Тина была полностью поглощена своей работой, нрав у нее был легкий и незлобивый, она легко умела расположить к себе людей, ее уважали коллеги и любили ученики, и она отвечала им взаимностью.

Быт давно был налажен, она привыкла обходиться без мужчины, и если даже иногда душевной летней ночью тоска начинала ее одолевать, она принимала снотворное, которое постепенно растворяло боль и грусть. Она засыпала, чтобы проснуться на следующий день совершенно опустошенной. Смысл своей жизни Тина видела в своих детях. В мечтах она представляла, как справит им свадьбы, потом пойдут внуки.

Ей было невдомек, что в голове ее сына зрел совсем другой план, и этот план касался воссоединения его родителей. Втайне от матери он разыскал своего отца, который по-прежнему жил и работал в своем селе, так и не обзавелся семьей и душой был очень одинок.

Между отцом и сыном состоялся долгий разговор, который сопровождался упреками, объяснениями, оправданиями и скупыми мужскими слезами. В конце концов сын простил отца, поняв, что его родители стали жертвами своей гордости и своих принципов. Он вспомнил слова какого-то старца о том, что гордым людям нелегко сохранить семью, потому что семейная жизнь – это подвиг, может быть, труднее монашеского.

Примирение отца и сына было встречено с огромной радостью всей отцовской родней. Как по мановению волшебной палочки накрылся стол, за которым собрались дяди, тети и двоюродные братья, которые жили по соседству. Вкусная еда, домашнее вино и традиционные тосты помогли сближению с новоприобретенными родственниками. Было далеко за полночь, когда подвыпившая родня разбрелась по домам...

Тина вышла из подземного перехода и завернула за угол. Когда до дома оставалось пройти метров двадцать, она узнала высокую фигуру своего сына. Он стоял у калитки и беседовал с незнакомцем.

Что-то в кудрявой шевелюре мужчины показалось ей знакомым, и она замедлила шаг. Сын заметил Тину и тронул собеседника за локоть. Тот резко обернулся, и их взгляды встретились.

Все резко поплыло перед ее глазами, она выронила сумку, ноги подкосились. Перед тем как окончательно лишиться чувств, она увидела побелевшее лицо мужа и бегущего к ней сына...

Прошло больше месяца с того дня, как Тина перебралась в район. Она жила с мужем в его большом доме, окруженном плантациями ореховых деревьев, и была бесконечно счастлива в объятиях своего любимого, простив ему двадцать лет одиночества и тоски. Они наверстывали упущенное время и постоянно держали друг друга в поле зрения. Окружающие по-доброму подшучивали над ними, говорили, что их медовый месяц чересчур затянулся. Они смущались и только счастливо улыбались в ответ.

Жизнь послала этим двоим испытание, и они прошли его, несмотря на то, что для этого понадобилось двадцать лет. Счастье вновь вернулось к ним певчей птичкой, упорхнувшей когда-то из открытой клетки, но нашедшей дорогу обратно в хозяйский дом, вернулось и поселилось в их доме на долгие годы.

Нина оставила чаевые официанту, поправила на себе соломенную шляпу, посмотрела на прогуливающихся по набережной загорелых отдыхающих и повернула голову в сторону острова.

«Интересно, как обстоит дело со счастьем в этом белом особняке, ведь оно не всегда сопутствует богатству».

Она улыбнулась старой итальянке, которая с аппетитом ела мороженое в вафельном рожке, стараясь не измазаться. Рядом с ней стоял ее муж с тростью в руке и с нежностью глядел ей в лицо. Вот оно – женское счастье, когда милый рядом, даже если милому уже восемьдесят лет.

Старушка наконец расправилась с мороженым и, взявшись за руки, пожилая чета продолжила свой путь. От них веяло спокойствием, удовлетворенностью и большим человеческим счастьем, которое когда-нибудь вместе с ними перейдет в Вечность...

Сестры

В семье Кирилла и Ирины рождались одни девочки. Для главы семейства это было крушением всех надежд. Он так мечтал о родственной душе, о сыне, с которым его будут связывать общие интересы. Кирилл часто представлял себе их совместные походы на футбол, поездки на рыбалку, беседы о жизни. Ему отчаянно хотелось иметь помощника в строительном деле, которым сам занимался, а также наследника, которому оставит дом, построенный своими руками.

А тут, как назло, девка за девкой, ну что за напасть. Когда он пришел на выписку жены в третий раз, казалось, что все смотрят на него с насмешкой. Ему вспомнился анекдот про мужа, пришедшего в роддом за женой. Новоиспеченному отцу вручили сверток, не сообщив пол младенца. Мужик, уверенный, что у него родился сын, стал подбрасывать сверток в воздух, каждый раз приговаривая: «Летчиком будешь... Космонавтом будешь!!!» Тут ребенок расплакался, а когда его распеленали, обнаружилось, что это девочка. «Бл... ью будешь!» – воскликнул мужик в сердцах и плюнул. Тогда в роддоме Кирилл почувствовал себя героем этого анекдота.

С тех пор прошло много лет, девочки его выросли, он в них души не чаял. И хотя у Кирилла был крутой нрав, со своими красавицами он становился мягким и покладистым. Но... в меру. Была черта, за которую нельзя было переступать никому. К примеру, после девяти часов вечера все в обязательном порядке должны были собраться в просторной столовой, в середине которой стоял большой дубовый стол. Кирилл сам подбирал для него древесину и собственноручно с любовью изготавливал каждую деталь. Для него этот стол символизировал единство и сплоченность всей семьи.

Дочки помогали матери в сервировке. Перво-наперво стол накрывался белой скатертью. В большом фаянсовом чайнике заваривался черный чай, к которому добавляли иногда мяту, иногда чабрец. На столе появлялось красивое блюдо с только что испеченным пирогом с яблоками или вишней. Жена Ирина была домовитой женщиной, но в последние годы подростки старались помочь матери. Поэтому за пироги теперь отвечала Люся – старшая из дочек.

Люся была невысокой блондинкой с зелеными глазами лет двадцати. Всестороннее сходство с матерью бросалось в глаза. Кроме возни с тестом, она любила играть на пианино, купленное ей отцом много лет назад. Оно стояло в ее комнате. Вечерами девушка открывала крышку инструмента и садилась на вращающийся виниловый стул. Как только ее тонкие пальчики касались черно-белых клавиш, весь дом наполнялся чудесными звуками.

Поставив пирог в центр стола, Люся довольно оглядела домочадцев. Тесто поднялось на славу, а яблочная начинка золотилась, выглядывая из-под печеной решетки.

Аня сидела на корточках перед печью с открытой чугунной дверцей и смотрела на горящие поленья.

«Как красиво», – подумала она, наблюдая за языками пламени и слушая веселое потрескивание. Едва дверца закрылась, печь, набитая дровами, приятно загудела. Аня была средней дочерью, ей совсем недавно минуло восемнадцать лет. Год назад, закончив школу, поступила в сельскохозяйственный техникум. Девушкой она была крупной, высокой, с правильными чертами, чем сильно походила на отца, но, в отличие от него, обладала тихим голосом и кротким нравом. В душе Кирилл выделял ее и почему-то жалел.

Дина была младшей в этом цветнике. Девочка еще пребывала в подростковом возрасте. Ей было пятнадцать. Внешне не похожа ни на мать, ни на отца – была чернява, темноглаза и хорошо сложена. Пользуясь своим возрастом, всегда искала способ отлынивать от домашней

работы. Прикинувшись овечкой, часто злоупотребляла мягкостью Анны. Вот и сейчас, вместо того, чтобы помочь, она болтала по телефону с какой-то подругой.

– Положи трубку и помоги накрыть на стол, – сказала ей мать.

– Ну, мамулечка, тут такое, дай поговорить, – драматично прошептала Дина, прикрыв трубку рукой. Ирина вздохнула, покачав головой, и обратилась за помощью к Ане.

На столе появился чайный фарфоровый сервиз, вазочка с кизилковым вареньем и запахло нарезанным лимоном.

– Папа, иди пить чай, – позвала Аня.

Каждый занял свое место за столом, включая Дину. Люся взяла нож с длинным ребристым лезвием и стала аккуратно резать пирог. Чай разлили по чашкам. Мятный аромат, переплетаясь с лимонным, наполнил воздух энергией и свежестью.

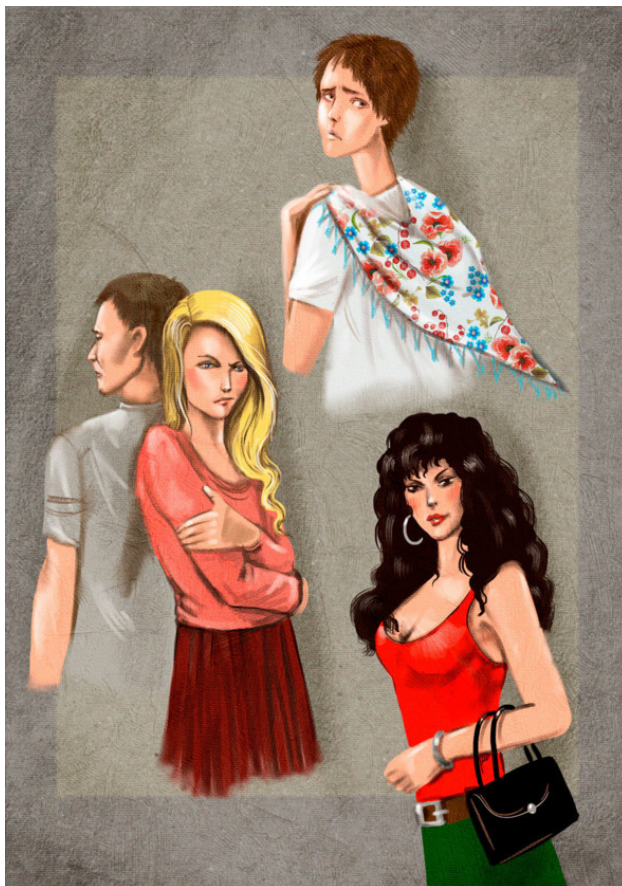
– Люсь, вкуснятина твой пирог, – похвалила Аня сестру.

– Угу, – промычала Дина с набитым ртом и потянулась за вторым куском.

Ирина подлила Люсе чай и чмокнула ее в висок. Все ждали, что скажет отец. Кирилл медленно дожевывал свою порцию, затем запил оставшимся в чашке чаем и посмотрел на Люсю.

– Молодец, дочка, пирог выше всяких похвал.

Люся переполнилась гордостью.

– Наша Люся – находка для хорошего мужчины, не правда ли, отец? – Ирина улыбалась, обращаясь к мужу.

– А находку уже обнаружили, не правда ли, Люсь? – Дина перекинула толстую косу на спину и криво усмехнулась.

– Дина, получишь у меня, – испугалась Люся.

Возникла пауза.

– Так, дочь, что за секреты, выкладывай, чего я не знаю? – отец строго смотрел на Люсю.
– У нее смазливый верзила – ухажер. Видела на днях, как в глазки ему заглядывала, – не унималась Дина.

Старшая дочь, застигнутая врасплох, сидела молча с пурпурными щеками...

Люся стояла в группе однокурсниц-филологов в саду своего института и весело рассказывала о летних приключениях. А так как она была девушкой бойкой и мастерицей приврать, рассказ получился остросюжетным. На самом же деле она с сестрами жила у бабушки в деревне, окруженной горами. Единственной достопримечательностью считалась быстрая речка, где любила собираться местная молодежь. Но об этом ведь никто не знал, поэтому девушки слушали ее с большим интересом. И не только девушки, рядом с их группой стоял высокий парень и уже несколько минут прислушивался к рассказу Люси. А спустя полчаса он провожал ее домой. Юра, так звали нового знакомого, учился в том же институте, что и Люся, только на юридическом факультете. Люся не была лишена тщеславия, поэтому ей льстило ухаживание такого симпатяги...

– Всего месяц знакомства, ничего серьезного. Мы иногда гуляем по городу, изредка ходим в кино. Случается, что он провожает меня до дома, – как бы оправдываясь, сказала Люся.

Аня многозначительно посмотрела на сестру. Она-то была в курсе, что Люся по уши влюблена в Юру. Сестры были очень близки, поэтому редко что-либо друг от друга утаивали. Аня ничего против Юры не имела. Ее смущало лишь одно обстоятельство – его внешность слишком привлекала внимание представительниц прекрасного пола. Она даже поделилась своими сомнениями с сестрой, но та только посмеялась над ней. Люся напомнила ей о коренастом рыжеватом Андрюхе, который не давал прохода Ане в деревне и к которому она, кажется, была равнодушна. Андрюха был ее ровесником и жил в деревне с родителями в большом доме, окруженном вишневым садом. Семья держала скотину, кур, индеек, уток.

– Ты считаешь, что лучше встречаться с таким, как твой Андрюха? – откровенно «укусила» она сестру.

– Никто не знает, что лучше, а что хуже, – философски заявила Аня.

Через год Люся вышла замуж за Юру. Отыграли веселую свадьбу с песнями, с танцами, и стали молодые жить-поживать да добра наживать в Юриной однокомнатной секции. В доме Кирилла по вечерам больше не было слышно вальсов и романсов, пироги все так же появлялись на столе, но пекла их уже Ирина. Кирилл с грустью понимал, что его дочери одна за другой будут покидать родительский дом, но такова была жизнь. В подобные моменты он опять с тоской возвращался к мыслям о сыне, которого ему не суждено было иметь.

Потом появилась на свет внучка Лиза, хорошенькая-прехорошенькая, с глазами-вишнями. Поначалу Люся с Юрой были частыми гостями в родительском доме, но в последнее время Люся приходила одна, ведя за ручку подростковую Лизу. Родителям и сестрам объясняла это тем, что муж занят в своей юридической консультации, в которую тот устроился после окончания института. Ее же декретный отпуск затянулся, и она так и не завершила свое обучение. Лиза забиралась на колени к Кириллу и щебетала без умолку, смешно картавя, а Люся с Аней уединялись и болтали о разном. В одной из таких бесед Аня призналась сестре, что Андрюха позвал ее замуж и она дала обещание подумать.

– И ты согласишься жить в деревне? – удивленно спросила Люся.

– Наверное, соглашусь, сестренка. Я знаю, что он тебе не очень нравится, но ведь и в деревне люди живут, да и красота не главное, – тихо сказала Аня и погладила сестру по руке.

– Видимо, ты права, родная, тебе лучше знать.

Своим ответом Люся очень удивила Аню, и она внимательно посмотрела на сестру.

– У тебя все хорошо, Люся?

– Да-да, все отлично, – как-то рассеянно ответила ей Люся.

После ее ухода, когда семья собралась в столовой за чаем, Аня поделилась своей обеспокоенностью по поводу настроения Люси.

– А какое у нее может быть настроение, когда ее мужик к замужней бабе шастает? – без всяких обиняков заявила Дина.

У всех сидящих за столом пропал дар речи, они молча уставились на Дину. Высокая брюнетка с длинной косой и с выразительными глазами, в которую за три года превратилась Дина, спокойно доедала ватрушку с творогом.

– Ты что это несешь, язык без костей?! – голос Кирилла прозвучал угрожающе.

– Ничего я не несу, об этом весь город знает, одни вы в бочке сидите.

Кирилл посмотрел на жену, Ирина выглядела растерянной.

– Аня, поговори с сестрой, только аккуратно, может, она не в курсе, и может, это все сплетни, в конце концов.

Но оказалось, что сплетни не рождаются из ниоткуда, дыма без огня не бывает. В небольшом городе трудно укрыться от чужих глаз. Юра действительно встречался с замужней женщиной намного старше себя. «Добрые люди», конечно, не остались в стороне и сообщили жене о том, что пора спасать семью. Люся очень удивилась, когда однажды утром обнаружила в почтовом ящике письмо без обратного адреса. Она обычно не получала писем. Все, кого знала, жили в одном с ней городе. Сначала ничего не поняла. Лишь после второго прочтения слова стали обретать смысл. Холод из груди спустился вниз и коснулся рук и ног. Она ясно осознала одну важную вещь – Юра больше не любит ее. Как ей жить с этим, она пока не знала. Поэтому не предпринимала никаких попыток поговорить с мужем начистоту. Она решила наблюдать.

Теперь для Люси стало многое ясно. Все опоздания мужа, которым она пыталась найти оправдание, приобрели совершенно другую окраску. Она с горечью подметила для себя, что их близость в последние месяцы больше походила на обязательное исполнение долга, лишённая эмоций, скучная и однообразная. Когда она пыталась шутить по этому поводу, Юра начинал злиться. До какой же степени можно быть слепой. Прошло несколько недель, чувство безысходности мучило ее, и боль царапала сердце. Когда Аня попыталась деликатно затронуть неприятную тему, все эмоции хлынули наружу, и Люся расплакалась. Сестры долго сидели обнявшись...

Люся умоляла Кирилла не вмешиваться в ее отношения с мужем. Она заклинала его всеми святыми и теми, кого он любит. Молодая женщина была напугана, так как знала взрывной характер отца. В конце концов он согласился временно не вмешиваться, взяв с нее слово, что она сама поговорит с Юрой.

– Тридцать пять лет – самый расцвет женской сексуальности, мне необходимо мужское внимание, и оно должно заключаться не только в цветочках, – черноглазая брюнетка с короткой стрижкой и пухлыми губами томно посмотрела на коллегу.

– Мила, но ты ведь замужем, да и он женат, у него ребенок. К тому же служебный роман – так банально.

– Марья Петровна, один раз живем, значит, жить надо на всю катушку, без оглядки на то, что там кто-то что-то скажет, – Мила закрыла ящик с документами и перебрала сумку через плечо.

Рабочий день был окончен. Марья Петровна только покачала головой.

«И о чем думает жена, почему ничего не предпринимает?» – подумала она вслух.

Закрыв за собой дверь, Мила огляделась по сторонам. Было странно, что Юра не встречал ее. Правда, его не было весь день на работе, но она надеялась, что он появится в конце дня. Муж Милы работал в органах и часто уезжал в служебные командировки. Сегодня был как раз такой день. Она рассчитывала провести его с Юрой. Разочарованно поджав губы, Мила постояла еще несколько минут, скользнула безразличным взглядом по незнакомой девушке, одиноко стоящей под высоким платаном, а затем направилась в сторону автобусной остановки.

Люся наблюдала за соперницей со стороны. Едва она увидела эту холеную самовлюбленную женщину, весь боевой настрой вмиг куда-то улетучился. Осознав, в каком унижительном свете выставит себя перед ней, она с тяжелым сердцем поплелась домой. Перед ее глазами стояло отрешенное лицо Юры – ни оправданий, ни сожалений, ни обещаний. Поняв, что Люсе все известно и отпираться не имеет смысла, Юра просто ушел, ничего не объяснив. «Все мужчины трусы, как в чужую постель прыгать, так смелости через край, как только нужно отвечать за свой блуд, самым лучшим выходом считают бегство».

Юра держал Лизу на руках, когда Люся вошла в квартиру. На миг ей показалось, что все пережитое за эти месяцы было всего лишь сном, а наяву совсем другая реальность, полная счастья, любви и преданности. Но миг прошел, и сознание прояснилось.

– Ты что же ребенка одного оставила? – Юра отпустил Лизу, и девочка радостно подбежала к матери. Люся увела Лизу на кухню и усадила за стол. Затем разогрела куриный суп и стала молча кормить ребенка. Юра появился в дверях.

– Люсь, прости меня, я виноват перед тобой.

Люся молчала.

– Люся, я сволочь, знаю.

Юре было тяжело, он знал, что адюльтер будет когда-нибудь раскрыт, но его тянуло в этот темный омут с головой. Ему не хватало порочности, которой дышало все существо Милы. Она притягивала его, как малыша запретная конфета. Теперь, когда его поймали за руку, он просил прощения, в душе сожалея о том, что попался.

Редко кому удается прожить так, чтобы хотя бы не задеть дном своей семейной лодки за острые рифы жизненных обстоятельств. Муж, жена, любовница – расклад, старый как мир. Обманутые жены и рогоносцы-мужья. Каждый, оказавшийся в этой ипостаси, ведет себя по-разному. Люся простила Юру, заставив себя поверить тому, что он раскаялся, но эта история навсегда оставила трещину в ее доверчивом сердце.

Стояла теплая осень. Леса выделялись яркой листвой на фоне скалистых гор и снежных вершин. Перистые облака медленно тянулись с востока на запад.

«Слава Богу, хоть дождей не будет», – подумала Аня, поглядев в небо. Она загнала корову в хорошо освещенный хлев, в котором вдоль стены стояли вилы, ведра, метла и совковая лопата. Белочка вошла в чистое стойло. Аня вымыла руки, привычным движением привязала хвост к ногам коровы и пододвинула табурет. Обмыв и вытерев насухо полотенцем объемистое вымя, она сначала легко помассировала его. Затем, сцедив первые струйки в отдельную посуду, приступила к доению.

Семь лет назад, дав согласие на брак с Андреем, Аня навсегда превратилась в сельскую жительницу. Ее семья и особенно отец долго не могли смириться с этим решением. Кирилл был категорически против Аниного выбора. С первого взгляда этот коренастый парень не вызвал у него никакой симпатии. Его дочь заслуживала лучшего. Мама все время плакала, а Дина была откровенна, как всегда: «Девки из деревни бегут, мечтают о лучшей жизни, а ты добровольно в скотницы записываешься».

Лишь Люся молча поддерживала ее.

Свадьбу справили в селе, откуда был родом сам Кирилл. Мать его померла два года назад, и он не рассчитывал, что когда-нибудь вернется сюда. Кирилл был мрачен, мать задумчива, Дина смотрела на всех свысока. К ночи они уехали, не согласившись на приглашение остаться. Люся с Юрой и Лизой задержались подольше, но вскоре тоже уехали. И началась семейная жизнь. Родители Андрея были простыми людьми. Они приняли Аню в свою семью, не задумываясь, чего нельзя было сказать о его старшей сестре. Она давно была замужем и жила в том же селе. Сестра считала, что городская не годится в жены ее брату. По ее мнению, ему больше подходила деревенская, привыкшая к тяжелому труду девушка, которая смогла бы стать подушкой и помощницей и брату, и ее родителям. Однако, несмотря на мнение родных, молодые

зажили своей жизнью. Потомство не заставило себя ждать. Через семь лет Аня была мамой трех дочек, что сильно напрягало Андрея. Его можно было понять, ведь в селе пара лишних мужских рук была в большой цене.

Несколько раз в год Аня с мужем и детьми навещала родителей в городе. И хотя Аня привыкла к своей деревенской жизни и научилась вести хозяйство, каждая такая поездка была для нее настоящим праздником. На день рождения Кирилла Аня отправилась с младшей Настей, оставив двух старших мужу и свекрови. Андрей был слишком занят хозяйством, и жена не настаивала.

Решив сделать сюрприз семье, Аня приехала на день раньше, никого не предупредив. С автовокзала она не сразу поехала домой. Ей захотелось прогуляться с трехлетней дочкой по улочкам родного города. Доехав до центра на частнике, она взяла девочку за руку, закинула рюкзак за плечи и направилась в сторону сквера.

Выдался очень теплый октябрьский день. Весь город был усеян золотисто-пурпурной листвой. Горожане, благодарные природе, наслаждались общением с ней. Внимание Ани привлекли двое, которые спорили друг с другом, не замечая окружающих. Мужчина стоял спиной и о чем-то просил, его спутница что-то ему объясняла. Неожиданно он схватил ее за плечи и стал неистово целовать в губы, в глаза. Женщине, видимо, не понравился его порыв, она вырвалась, что-то гневно бросила ему в лицо и убежала. Мужчина не двинулся с места и только смотрел ей вслед. Аня не отрывала глаз от его спины. Вдруг он резко повернулся и пошел по направлению к ней. Это был Юра...

День рождения удался на славу, пришли друзья отца, кое-кто из близких соседей, дочки суетились вокруг гостей. Аня краем глаза следила за Юрой. Он был подавлен и угрюм, пил больше, чем когда-либо, и мало говорил. Люся словно и не замечала ничего, она смеялась над шутками, передавала гостям блюда, делала замечания Лизе, на мужа же не обращала никакого внимания.

Аня зашла на кухню и застала Дину с сигаретой в руке.

– Анька, напугала, думала – мама.

– Бросай ты это дело, Дина, здоровье себе только портишь.

– Ой, только твоей назидательности мне не хватало, – огрызнулась Дина.

– И в кого ты такая колючая? – Аня огорченно вздохнула.

– Бриллианту прощаются острые грани, – самодовольно усмехнулась Дина, приподняв соболиную бровь.

– Слушай, Бриллиант, лучше скажи, как у тебя с личной жизнью?

– Да какая жизнь в этой провинции. Я здесь долго задерживаться не намерена.

– А как же Степан, вы же с ним еще со школы? – Ане нравился этот симпатичный парень.

Степан работал инженером в строительном управлении и был без ума от ее взбалмошной сестры.

– А что Степан, на безрыбье и рак рыба, – засмеялась Дина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.